Красный день календаря

Массовые политические празднества 1917–1918 годов в губерниях черноземного центра

Сегодня мы продолжаем совместную с факультетом истории, мировой политики и социологии ТГУ имени Г.Р. Державина рубрику нашей газеты, посвященную событиям столетней давности на тамбовской земле. Как развивалась ситуация в губернском центре и по всему краю, какое значение для ее развития имело то или иное событие, - в нашей новой рубрике.

В материале, который мы предлагаем нашим читателям сегодня, речь пойдет о том, как формировалась на Тамбовщине новая система праздников, как к новым торжествам относились рядовые тамбовчане.

Обретенные Россией после Февральской революции демократические свободы вызвали к жизни митинги, манифестации, празднества. Подавляющее большинство российских обывателей впервые столкнулись с этой стороной жизни. До февраля 1917 года они знали религиозные праздники, ярмарочные народные гуляния, публичные увеселения в местах отдыха, военные парады, торжества, связанные с юбилеями и открытием памятников, благотворительные вечера, дни тезоименитств. Теперь последние исчезли в связи со свержением монархии, но какого-то публичного сожаления это исчезновение не вызвало. В целом же новое в 1917 году просто добавлялось к традиционному праздничному календарю и поэтому не вызывало противодействия.

Митинги, собрания и различные съезды, несомненно, определяя облик времени, были буднями общественно-политической жизни. На фоне быстрой и бурной политизации общества они воспринимались довольно естественно. Но различные политические круги отчетливо осознавали необходимость поддержания этого состояния масс, весьма эффективным средством для чего и стали массовые политические празднества.

В апреле 1917 года велась активная кампания по подготовке к празднованию 1 Мая. Праздник этот впервые отмечался в России открыто и был почти неизвестен глубинке. Деревня фактически оставалась в стороне и на этот раз, горожане же проявили несомненный интерес. Правда, агитаторам пришлось прибегнуть к распространенному разъяснению, что "1 Мая - это рабочая Пасха". Города нашего региона не были как-то украшены, но манифестации проходили с оркестрами, пением специально подготовленными хорами "песен свободы", знаменами и транспарантами. В последних уже складывалась определенная символика, вполне отвечающая духу и эстетике патриотических плакатов времен Первой мировой войны. Например, в Тамбове на манифестации рабочие железнодорожных мастерских несли плакат, на одной стороне которого нарисована гордая сильная русская женщина, олицетворяющая собой Россию, разорвавшая тяжелые цепи и сбившая к своим ногам страшного дракона - бесправие. "Долой цепи рабства" - написано на этой стороне плаката. На другой его стороне - тоже картина. Группа из трех лиц: рабочий у станка обнялся с солдатом, и в центре этой группы - крестьянин-пахарь, осеняющий себя крестом и положивший руку на плечо рабочего. "В единении сила" - учит эта картина. Манифестации заканчивались митингами, на которых ораторы произносили речи с трибун, принимались политические резолюции, пелась "Марсельеза".

Весной и летом 1917 года часто устраивались так называемые "Дни займа свободы" или "Манифестации в честь русской армии". Сценарии их представляли собой нечто среднее между политическим митингом, праздничной манифестацией и благотворительным вечером с кружечным сбором. Детали зависели от фантазии организаторов. На станции Грязи, например, это мероприятие длилось два дня. В первый произносили речи, во второй гуляли под оркестр и собирали деньги. В Рассказово начали с молебна и торжественного прохождения войск, а закончили демонстрацией горожан, певших "Марсельезу" и похоронный марш. В Козлове посадили у собора "дерево свободы".

По мере утраты популярности войны в народе различные политические партии стали устраивать похожие мероприятия с целью сбора средств на свои нужды. Так, в Радице местная организация РСДРП 2 августа устроила концерт-митинг для создания предвыборного фонда в Учредительное собрание. Была сыграна пьеса "из жизни ссыльных", хор спел несколько революционных и народных песен, в антрактах была разыграна американская лотерея. И только в два часа ночи очередь дошла до речи на тему "О задачах рабочих при наступающих выборах в Учредительное собрание", которая, по словам репортера, была встречена "сочувственно". В Бежице пожертвования в "фонд черного креста" подобным способом собирали анархисты. Празднование полугодовщины Февральской революции ограничилось в основном митингами и собраниями.

К концу 1917 года в народном сознании утвердился стереотип массового политического действа, а смена власти повлекла за собой необходимость подстраиваться под новые стандарты. Драматические последствия вызвала попытка козловских рабочих 6 января 1918 года отметить открытие Учредительного собрания политической манифестацией. По безоружным демонстрантам был открыт пулеметный огонь.

В 1918 году обыватель уже устал от политики. Органы же Советской власти на местах оказывали на него сильное давление, заставляя продолжать быть участником массовых политических мероприятий. Весной и летом 1918 года на собраниях принималось множество резолюций о штрафовании за неявки на митинги и демонстрации. Началось противопоставление новых праздников старым, чему особенно содействовала атеистическая пропаганда. По аналогии с "Днями займа свободы" неоднократно проводились "Дни Красной Армии", но пели уже не только "Марсельезу", но и "Интернационал". Примерно так же, как и год назад, организовались первомайские торжества.

Радикальные перемены закончились осенью 1918 года, когда с невиданным размахом праздновалась первая годовщина Октября. Торжества продолжались пять дней. В материалах о подготовке к празднествам и отчетах о них подчеркивалась принципиальная новизна, которая в действительности представляла собой весьма дорогостоящую смесь традиций политических празднеств 1917 года и дореволюционных благотворительных вечеров с раздачей подарков, военных парадов, иллюминаций городов и даже церковных праздников

Радикальные перемены закончились осенью 1918 года, когда с невиданным размахом праздновалась первая годовщина Октября - совершенно новый государственный праздник. Торжества продолжались пять дней. Исполкомы обсуждали все детали. В материалах о подготовке к празднествам и отчетах о них подчеркивалась принципиальная новизна, которая в действительности представляла собой весьма дорогостоящую смесь традиций политических празднеств 1917 года и дореволюционных благотворительных вечеров с раздачей подарков, военных парадов, иллюминаций городов и даже церковных праздников. В российской деревне не представляли себе праздника без колокольного звона, а в городах были мобилизованы церковные хоры для разучивания нового репертуара. В Козловской газете разъяснялось, что "эти дни - наш светлый праздник, наша Пасха... В эти дни граждане, встречаясь, должны восклицать: "Революция победила!" и получать ответ: "Воистину победила!". Праздничные комиссии обсуждали проекты декорирования городов в "русско-пролетарском стиле". В Тамбове торжества открывались 6 ноября салютом, поднятием штандарта над Рабочим дворцом и митингами, 7 ноября проводилось шествие и смотр войск под "хор фабричных гудков", 8 ноября - карнавал. Публика могла бесплатно посещать театры и кинематограф, детям выдавались подарки. Так как на все это нужны были средства, их не только запрашивали в Москве, но и отчисляли в фонд праздника однодневный заработок.

В статье "Как готовится Тамбов к революционным торжествам" подчеркивалось: "В дело пущено такое количество балок и тесу, что можно, пожалуй, соорудить особнячок, но весь смысл пролетарской революции заключается в том, чтобы разрушать особняки. И все те, кто задумается над смыслом подготовляемого праздника, ясно поймут, что, жертвуя удобным для жилья особнячком для сооружения целого ряда памятников, революция выигрывает, а не проигрывает, как помышляют, быть может, многие".

В Моршанской газете подчеркивалась важность "праздничной дисциплины" и отмечалось, что сласти и пирожки детям будут выданы только после их участия в шествии. По отчетам трудно представить реальное отношение населения к таким торжествам, однако упоминание мнений некоторых граждан, что это "царская потеха", наводит на размышление.

Таким образом, за 1917-1918 годы сформировались стереотипы организации массовых политических празднеств, и в 1918 году начал формироваться советский праздничный календарь. Но ни организаторы, ни тем более участники массового действа, особенно в провинции, не были свободны от традиций и психологии предшествующего времени.

В.Д. ОРЛОВА